

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ИДИОМА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ДЕСКРИПТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье постулируется объективное существование русского идиома английского языка (РИАЯ) как особой знаковой системы, характеризующейся массовым распространением и системой устойчивых типовых структурных и функциональных закономерностей. В частности, автор описывает некоторые аспекты специфики фонологической системы этого идиома, устойчиво проявляющиеся в англоязычной речи носителей русского языка.

Материалы и методы. С помощью описательного и сопоставительного методов, метода дистрибутивного анализа проведен анализ функциональных и системно-структурных аспектов специфики звуковой и произносительной стороны речи.

Результаты. Показано, что фонетический состав и фонологическая система русского идиома английского языка частично отличаются от таковых в английском и русском языках; некоторые фонемы РИАЯ распределены по фонемам иначе, чем в английском и русском языках. Расхождения между ними рассматриваются как объективные специфические черты этой коммуникативной системы, которые закономерно проявляются как результат сложного взаимодействия и наложения двух разных фонетико-фонологических систем.

Выводы. Сделаны выводы о закономерностях порождения речи на неродном языке. Установлено, что переплетение навыков говорения на родном и неродном языках приводит к формированию собственной фонетико-фонологической базы РИАЯ.

Ключевые слова: локальный идиом английского языка, русский идиом английского языка, идиоэтнизм, глобализация.

N. V. Shchennikova, Yu. A. Didyk

PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN IDIOM OF THE ENGLISH LANGUAGE: DESCRIPTION AND ANALYSIS

Abstract.

Background. The paper postulates the Russian idiom of the English language as a specific semiotic system characterized by mass spreading and the system of typical structural and functional regularities. The author specifically describes certain peculiarities of its phonological system typical for the English speech of Russian-speaking people.

Materials and methods. The functional and structural analysis of the phonetic and pronunciation peculiarities of the Russian idiom of the English language rests on the descriptive and comparative methods, as well as the distributional method.

Results. It is argued that the phonetic structure and the phonological system of the Russian idiom of the English language differ from those of the English and Russian languages; certain sounds are distributed in phonemes differently than in Eng-

lish and Russian. These differences are considered to be intrinsic features of this communication system resulting from interaction and overlap of two different phonological systems.

Conclusions. Some conclusions are drawn on regularities of non-native speech production: the combination of speech habits in the vernacular and foreign languages leads to the formation of the phonological basis of the Russian idiom of the English language.

Key words: local idiom of the English language, Russian idiom of the English language, idioethnism, globalizations.

С конца XX в. глобализация английского языка является одной из основных социолингвистических тем научных исследований, что отражает радикальные перемены в социально-экономической и общественно-политической жизни современного мира. В условиях процессов лингвистической глобализации важнейшим вопросом является статус и функционирование английского языка в новых условиях. Среди лингвистов нет единодушия в интерпретации природы глобального английского языка (АЯ): или это один глобальный английский язык с его многочисленными географическими и социальными разновидностями, или это многочисленные «английские языки», требующие признания как автономные или полуавтономные образования в глобальном лингвистическом пространстве АЯ. Таким образом, логика исторического развития и так называемый естественный языковой отбор объективно привели многовековой поиск единого семиотического кода для всего человечества к тому, что английский язык становится общим инструментом межкультурного общения. Но функцию единого семиотического кода для разноязычных индивидов и разноязычных коллективов выполняет отнюдь не только этнический английский язык, но и его различные речевые модификации, его локальные идиомы. Отличия идиом друг от друга и от этнического английского языка обуславливаются различиями картин мира и когнитивно-культурных пространств разных лингвосоциумов. Локальные идиомы являются неотъемлемыми частями языкового континуума; идиомы различных языков естественным образом встраиваются в логику языкового покрытия мира, занимают в нем свою нишу; идиомы различных языков выполняют уникальные функции, которые не дублируются никакими другими языковыми образованиями; идиомы различных языков не являются набором ошибок и результатом недоработок лингводидактики.

В последние два десятилетия активно развивается направление, исследующее языковую практику отдельных социальных коллективов, перформативную функцию локальных разновидностей английского языка в транснациональных контекстах глобализации (экономическая миграция, образование, межкультурная коммуникация, Интернет, средства массовой информации, международный транспорт, и т. п.) [1–3]. В его основе лежат следующие базовые принципы: язык следует изучать не как идеальный конструкт и абстрактное явление, а как реальную социальную деятельность, как реализуемую в действительности материальную часть социальной и культурной жизни конкретного коллектива; глобальный язык реализуется в локальной практике, следовательно, его стоит рассматривать в локальных контекстах; массовая практика в локальных контекстах приводит к созданию норм, причем норма-

тивность выявляется не в сходстве, а в **различии** употребляемых языковых форм. Эти признаки устойчиво реализуются в том или ином языковом коллективе, воспринимаются им на уровне нормы и превращаются в своего рода аксиологическую норму, становясь обязательными, ожидаемыми, прогнозируемыми с той или иной степенью вероятности атрибутами речи данного языкового коллектива, ее имманентным свойством.

Все эти вопросы подлежат тщательному осмыслению в рамках лингвистической теории. Наша работа, проводимая с 2005 г. на базе Пензенского государственного университета, представляется нам посильным вкладом в разработку вышеуказанной проблематики [4–7]. С позиций дескриптивно-аналитического подхода мы фиксировали и описывали типичные идиотничные черты русского идиома английского языка (фонетико-фонологические, лексические, грамматические), потенциально могущие затруднять понимание при англоязычном общении с пользователями других локальных идиомов АЯ.

В рамках данной статьи рассмотрен фонологический аспект специфики англоязычной речи русскоязычных билингвов. Переплетение навыков говорения на родном и неродном языках приводит к формированию собственной фонетическо-фонологической базы РИАЯ.

Применение принципов дистрибутивного анализа показывает, что фонологическая система РИАЯ имеет отличия как от английского, так и от русского языков. Так, в отличие от английского языка в РИАЯ есть палатальные согласные (такие как [tʰ]). Но в отличие от русских палатальных они не являются самостоятельными фонемами, а входят в состав тех же фонем, что и твердые согласные. Например, произнося слово *tar*, билингв употребляет твердый аллофон [t] перед гласным заднего ряда, а произнося слово *tea*, он употребляет мягкий аллофон [tʰ] перед гласным переднего ряда. Но, находясь в дополнительной дистрибуции, эти фонемы в составе РИАЯ не различают значения слов, тогда как в русском языке они состоят в контрастивной дистрибуции и несут смысловозначительную функцию (ср. *тапки* – *тяпки*). Употребление палатальных согласных в речи на РИАЯ не влияет на смысл того, что говорится.

По нашим наблюдениям, некоторые другие фонетические отличия РИАЯ от английского языка тоже никак не влияют на передачу смысла. Так, замена аутентичного фарингального [h] русскими велярными [χ] и [χʰ] не искажает смысла слов и фраз, поскольку названные русские звуки, являясь в составе РИАЯ аллофонами одной фонемы (а не разных фонем, как в русском языке), выполняют ту же смысловозначительную функцию, что и [h] в аутентичном английском. Когда, например, русскоязычный билингв произносит [χaus] (*house*), [χʰil] (*hill*), [biχáind] (*behind*), это не искажает смысл, поскольку [χ] и [χʰ] функционируют в английской речи билингвов так же, как [h] в аутентичной английской речи. Аналогичным образом замена английского заальвеолярного [r] русским какуминальным вибрантом [p] не влияет на смысл сказанного. Это примерно тот же случай, что с картавостью или грасированием в русской речи отдельных людей: эти признаки не искажают смысл слов и фраз, поскольку не являются фонологически релевантными. Замена альвеолярных английских [s] и [z] дентальными русскими [c] и [z] не только не релевантна фонологически, но и практически не различима акустически. Мало кто из русскоязычных билингвов произносит альвеолярные ан-

лийские свистящие; большинство вместо них произносит русские зубные свистящие, однако это незаметно на слух без специального анализа.

Но в других случаях различия в фонологическом статусе признаков ведет к искажению смысла. Так, русскоязычные билингвы склонны нейтрализовать оппозицию «долгие – краткие гласные», которая фонологически релевантна в английском языке. Билингвы фактически отождествляют [i:] и [i]; [u:] и [u] и т.д., что нередко ведет к коммуникативным неудачам. Чтобы показать это, мы задумали переводческий эксперимент на старших курсах языковых специальностей, в составе которого было задание «Переведи переводчика»: один студент получал карточки с написанным русским текстом для перевода с листа. Десять предложений были составлены таким образом, чтобы контекст не выполнял селективную функцию и одинаково подходил к обоим членам оппозиций (*port – pot, cart – cut, sheep – ship, sport – spot, lark – luck, peel – pill, barn – bun* и др.): «Какой красивый горшок!», «Ему понравился этот покррой», «Это была белая овца», «Здесь нет урн», «Мне не нравится это пятно» и др. Для того чтобы невозможно было вычислить, что проверяется в этом задании, такие предложения подавались вместе с другими вперемешку. Остальные студенты должны были перевести на русский язык результаты перевода студента-переводчика. Мы фиксировали фонетическую сторону звучащего устного перевода, обработали полученные результаты письменных переводов и подвели итоги. В общей сложности эксперимент проводился 32 раза (с 2010 г. в разных группах). Из 32 студентов, выполнявших устный перевод, все допустили от 4 до 7 фонетических ошибок нейтрализации оппозиции «долгий – краткий гласный». В 384 письменных переводах были допущены от 3 до 6 ошибок в этих десяти предложениях. Еще одно задание переводческого эксперимента «Перевод на скорость»: «Переведите на скорость ряд слов, одни и те же слова могут повторяться, слово звучит один раз, переспрашивать нельзя». Один студент зачитывает с равными интервалами ряд слов, которые остальные студенты письменно переводят. В смешанном ряду из 120 слов были 30 слов с оппозицией по долготе гласных: *short, shot, march, much, seal, sill, feel, fill, deed, did, port, pot, cart, cut, sheep, ship, sport, spot, lark, luck, peel, pill, barn, bun, peel, pill, leak, lick, bean, bin*. В 384 письменных переводах были допущены от 7 до 15 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 36). Трудность выполнения задания была усугублена установкой задания на возможные повторения слов и фонетически некорректным чтением некоторых студентов: из 32 студентов, зачитывающих ряд слов, 12 допустили менее 10 случаев нейтрализации оппозиции «долгий – краткий гласный», 20 – от 10 до 15.

Фоны [e] и [æ] являются разными фонемами в английском языке, а в РИАЯ они фактически являются аллофонами одной фонемы, а порой и полностью отождествляются артикуляторно и акустически. Это связано с тем, что в русском языке существует узкая разновидность звука [э], близкая к англ. [e] (ср. *мест*), и широкая разновидность, близкая к англ. [æ] (ср. *этом*). Русское языковое сознание не различает их фонологически, что и способствует неразличению похожих на них английских [e] и [æ]. Отсюда могут проистекать коммуникативные неудачи – например, в тех случаях, когда словосочетание *bed management* (Bed management is allocation and provision of beds, especially in a hospital where beds are a scarce resource) воспринимается и

понимается как *bad management*, а слово *tanner* («монета в шесть пенсов») – как *tenner* («банкнота в десять фунтов стерлингов»). В смешанном ряду из 120 слов в задании переводческого эксперимента «Перевод на скорость» были 30 слов с оппозицией [e] – [æ]: *pan – pen, dad – dead, pat – pet, bat – bet, mansion – mention, ban – Ben, Dan – den, man – men, bad – bed, tan – ten, lag – leg, mass – mess, pack – peck, tanner – tenor, Brad – bread*. В 384 письменных переводах были допущены от 4 до 12 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 27).

К сходным последствиям приводит склонность русскоязычных билингов оглушать звонкие финали, тем самым нейтрализуя фонологически релевантную оппозицию звонких и глухих. В смешанном ряду из 120 слов в задании переводческого эксперимента «Перевод на скорость» были 30 слов с оппозицией «звонкий – глухой финальный согласный»: *broad – brought, trade – trait, ride – right, frog – frock, crab – crap, blog – block, mood – moot, dug – duck, dog – doc, rib – rip, dead – debt, feed – feet, flog – flock, card – cart, log – lock*. В 384 письменных переводах были допущены от 6 до 12 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 30).

Говоря в целом, нейтрализация ряда фонемных оппозиций, происходящая из некоторого упрощения фонологической структуры английского языка в РИАЯ, ведет к росту омонимии. Поскольку при столкновении омонимов возникают коммуникативные неудачи, число омонимов в языках обычно бывает невелико. Однако, по нашим наблюдениям, контекст и речевая ситуация в большинстве случаев выполняет селективную функцию и количество омонимов в РИАЯ не настолько превышает статистическую норму, чтобы серьезно препятствовать эффективному функционированию этого идиома. Нечто подобное наблюдается в диалектах американского варианта английского языка. В них переход [ju:] → [u:] привел к возникновению омофонов *suit* [su:t] «костюм» – *soot* [su:t] «сажа»; *due* [du:] «должный» – *do* [du:] «делать» и т.п. Переход [a:] → [æ] привел к возникновению омофонов *mast* [mæst] «мачта» – *massed* [mæst] «массированный»; *brand* [brænd] «торговая марка» – *branned* [brænd] «просеянный» и т.п. Аффрикатизация [dj] → [dʒ]; [tj] → [tʃ] привела к возникновению омофонов *dew* [dʒu:] «роса» – *Jew* [dʒu:] «еврей»; *Tues* [tʃu:z] *разг. сокр.* «вторник» – *choose* [tʃu:z] «выбирать» и т.п. Но контекст и речевая ситуация позволяют успешно дискриминировать омонимы и избегать недоразумений. Так же обстоит дело с омонимами и в РИАЯ.

Эффективность международной коммуникации обеспечивается доступностью для понимания. Этот критерий был предложен Р. Уокером [8] как необходимый для общения на национальном уровне (например, в условиях учебной англоязычной коммуникации ClassroomEnglish) и на интернациональном уровне (между носителями и носителями АЯ) [9, 10]. Его критерий достаточной доступности для понимания согласуется с концепцией Дж. Дженкинса ядерных/неядерных фонологических признаков, лежащей в основе классификации фонологических свойств английского как лингва франка. Фонетико-фонологические признаки англоязычной речи как элементы социолингвистической вариативности разделяются на неядерные и ядерные. Национальные и диалектные особенности в качестве гласных звуков, произношении слабых форм, ассимиляции, коартикуляции, ударении класси-

фицируются как приемлемые неядерные элементы социолингвистической вариативности, тогда как оглушение согласных (log – lock), нейтрализация признаков долготы и краткости гласных звуков (leap – lip), непроизнесение согласного в сочетаниях согласных (six – sick), замена гласных звуков (snakes – snacks; hole – hall) классифицируются как ядерные признаки, мешающие или препятствующие декодированию смысла высказывания [11, с. 69, 123; 12, с. 90].

У 3. Патил находим примеры того, как под влиянием особенностей национального произношения меняется смысл высказывания на АЯ. Типичной чертой речи вьетнамцев является потеря конечных согласных, что в англоязычной речи является серьезным препятствием для достижения взаимопонимания. В их исполнении “Mr. Nguyen, why [wai] doesn’t your wife [wai] try white [wai] wine [wai]?” слова *why*, *wife*, *white* и *wine* становятся омофонами [13, с. 11]. В произношении японских студентов не различается пара согласных [r]/[l]. Типичной чертой речи арабских студентов является озвончение начальный глухой: *pill* – *bill* и разделение глухих согласных [k] и [s] гласным звуком: *text* – *tekist*. “I’m going to dine with six friends. We’ll have a pot of fried rice each” в исполнении арабских студентов превращается в “I’m going to dine with sikis friends. We’ll have a boat of rice each”, в исполнении вьетнамских студентов – “I’m going to die with sick friends. We’ll have a pot of rice each”, в исполнении японских студентов – “I’m going to dine with six friends. We’ll have a pot off liedlice each” [13, с. 12].

Ответственность за низкую доступность для понимания могут нести не только пользователи АЯ из-за национальных особенностей артикуляции, но и носители. Д. Детердинг привел пример общения сингапурских студентов и англичан, говорящих на диалекте устья Темзы (Estuary English), определив, что диалектные особенности речи англичан (Т-глоттализация, т.е. использование гортанной смычки вместо [t], или переход от альвеолярной артикуляции к гортанной; переход межзубных смычных [θ, ð] в лабиодентальные смычные [f, v] (th-fronting); L-вокализация или замена латерального альвеолярного [l] гласными заднего или средне-заднего ряда [o], [ʊ] и [u]) явились серьезной помехой для понимания – сингапурские студенты с большим трудом понимали, о чем идет речь [14, с. 435].

Большим препятствием для беспрепятственного англоязычного общения с китайскими преподавателями и студентами при сотрудничестве ПГУ с Ланджоуским транспортным университетом была нейтрализация оппозиции [b] – [p] в английской речи китайцев. Это происходит ввиду переноса фонетико-фонологической черты из китайского языка в английский: в китайском языке отсутствует оппозиция [b] – [p], но наличествует [p] – [pʰ]. В их английской речи зачастую отсутствует звонкий [b], он замещается неаспирированным [p].

Обобщая все сказанное выше, отметим, что фонологические отличия РИАЯ от английского языка вопреки ожиданиям мало влияют на взаимопонимание при общении носителей английского языка с русскоязычными билингвами. Вероятно, это связано с генетическим родством английского и русского языков. К ядерным фонологическим признакам (по Дж. Дженкинс) в речи на РИАЯ, могущим мешать или препятствовать декодированию смыс-

ла высказывания, относятся оглушение звонких финалей, нейтрализация оппозиции «долгота – краткость» ([i:] и [i]; [u:] и [u] и т.д.), артикуляторное отождествление фонов [e] и [æ]. Остальные особенности речи пользователей РИАЯ относятся к приемлемым неядерным элементам, не препятствующим достаточной доступности для понимания. Для обеспечения все более высокого уровня доступности для понимания речи на АЯ его пользователей в ситуациях межкультурного контакта полезным видится не столько научное описание языковых и этнокультурных национальных и диалектных особенностей (произносительных в том числе), сколько их учет в целевой модели обучения АЯ на территории функционирования этих вариантов АЯ и его локальных идиомов.

Библиографический список

1. **Pennycook, A.** Translingual English / A. Pennycook // Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue / ed. by Farzad Sharifian, Michael Clyne. – 2008. – Vol. 32, № 3. – P. 30.1–30.9.
2. **Pennycook, A.** Language as a Local Practice / A. Pennycook. – London : Routledge, 2010. – 174 p.
3. **Pennycook, A.** Metrolingualism: Language in the City / A. Pennycook, E. Otsuji. – London ; New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2015. – 205 p.
4. **Щенникова, Н. В.** Этносоциокультурные факторы специфики англоязычной речи носителей русского языка / Н. В. Щенникова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 108–115.
5. **Щенникова, Н. В.** Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект / Н. В. Щенникова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки (филология и лингвистика). – 2014. – № 2. – С. 106–116.
6. **Щенникова, Н. В.** Русский идиом английского языка: специфика употребления медиопассивного залога / Н. В. Щенникова // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 420–423.
7. **Щенникова, Н. В.** Русский идиом английского языка: специфика употребления инфинитива и инфинитивных конструкций / Н. В. Щенникова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 1. – С. 87–97.
8. **Walker, R.** Pronunciation for international intelligibility / R. Walker. – 2001. – URL: <http://www3.telus.net/linguisticsissues/internationalintelligibility.html> (accessed November 13, 2015).
9. **Melchers, G.** World Englishes: an introduction / G. Melchers, Ph. Shaw. – 2nd edition. – London ; New York : Arnold, Oxford University Press, 2011. – 256 p. – URL: <http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/moritoshi6.pdf> (accessed March 23, 2015).
10. **Nunn, K.** Competence and Teaching English as an International Language / K. Nunn // Asian EFL Journal. – 2005. – № 7 (3). – P. 61–74.
11. **Jenkins, J.** The Phonology of English as an International Language / J. Jenkins. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 266 p.
12. **Chen, G.-M.** Foundations of Intercultural Communication / G.-M. Chen, W. J. Starosta. – Boston : University Press of America, 2005. – 352 p.
13. **Patil, Z. N.** On the Nature and Role of English in Asia / Z. N. Patil // The Linguistics journal. – 2006. – Vol. 2. – URL: http://www.linguistics-journal.com/June2006_zn.php (accessed January 30, 2016).
14. **Deterding, D.** Listening to Estuary English in Singapore / D. Deterding // TESOL Quarterly. – 2005. – № 39. – P. 425–440.

References

1. Pennycook A. *Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue / ed. by Farzad Sharifian, Michael Clyne*. 2008, vol. 32, no. 3, pp. 30.1–30.9.
2. Pennycook A. *Language as a Local Practice*. London: Routledge, 2010, 174 p.
3. Pennycook A., Otsuji E. *Metrolingualism: Language in the City*. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2015, 205 p.
4. Shchennikova N. V. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2013, no. 1 (17), pp. 108–115.
5. Shchennikova N. V. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologicheskie nauki (filologiya i lingvistika)* [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Philological sciences (philology and linguistics)]. 2014, no. 2, pp. 106–116.
6. Shchennikova N. V. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2014, no. 2, pp. 420–423.
7. Shchennikova N. V. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Russian State Humanitarian University] 2015, no. 1, pp. 87–97.
8. Walker R. *Pronunciation for international intelligibility*. 2001. Available at: <http://www3.telus.net/linguisticsissues/internationalintelligibility.html> (accessed November 13, 2015).
9. Melchers G., Shaw Ph. *World Englishes: an introduction*. 2nd edition. London; New York: Arnold, Oxford University Press, 2011, 256 p. Available at: <http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/moritoshi6.pdf> (accessed March 23, 2015).
10. Nunn K. *Asian EFL Journal*. 2005, no. 7 (3), pp. 61–74.
11. Jenkins J. *The Phonology of English as an International Language*. Oxford: Oxford University Press, 2000, 266 p.
12. Chen G.-M., Starosta W. J. *Foundations of Intercultural Communication*. Boston: University Press of America, 2005, 352 p.
13. Patil Z. N. *The Linguistics journal*. 2006, vol. 2. Available at: http://www.linguistics-journal.com/June2006_zn.php (accessed January 30, 2016).
14. Deterding D. *TESOL Quarterly*. 2005, no. 39, pp. 425–440.

Щенникова Наталья Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра перевода и переводоведения,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: schennikova@list.ru

Дидык Юлия Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра перевода и переводоведения,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: perevod@pnzgu.ru

Shchennikova Natal'ya Vladimirovna
Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of translation
and interpretation science, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Didyk Yuliya Alekseevna
Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of translation
and interpretation science, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

УДК 811.111'24

Щенникова, Н. В.

Фонологическая система русского идиома английского языка: дескриптивно-аналитический подход / Н. В. Щенникова, Ю. А. Дидык // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 113–121. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-12